

«ШИРОКИЙ ПУТЬ» В СОЗНАНИИ СТАРООБРЯДЦЕВ ЕНИСЕЯ: СОВРЕМЕННАЯ НАРОДНАЯ КАРТИНКА О ПРОЦЕССАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ЕКАТЕРИНА ВАСИЛЬЕВНА БЫКОВА

(Вятский государственный университет:
Российская Федерация, 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36)

АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ КОСТРОВ

(Иркутский государственный университет:
Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1)

***Аннотация.** В статье предпринят анализ народной картинки «Две дороги — Два пути», найденной во время экспедиции в старообрядческие поселения Республики Тыва в 2016 г. Дальнейшие полевые исследования в 2017 г. подтвердили популярность подобного изобразительного материала в среде старообрядцев-часовенных, проживающих на Енисее. Особое внимание современного старообрядческого художника привлекает тема «широкого» и «узкого» пути, которая обсуждается в разных возрастных группах. Анализ визуального источника демонстрирует, что нарастающие процессы глобализации, распространение новых электронных и спутниковых технологий, динамичное развитие СМИ неизбежно ведут к формированию единого информационного пространства, трансформируя или разрушая традиционное общество. Старообрядцы, проживающие в Сибири, при декларативном консерватизме и попытках быть в изоляции, своими письменными и изобразительными источниками показывают осведомленность о современной цивилизации и отношении к ней. Современная старообрядческая лубочная картинка является уникальным свидетельством сегодняшних тенденций трансформации традиционного религиозного сознания старообрядцев-часовенных.*

Народная картинка соединила в себе разные идейно-художественные парадигмы: древнерусские традиции с тенденциями постмодернизма. Сочетая изображение и слово, она предстает единым текстовым пространством, объединенным общностью тем, образов и подходов к греховности мира и возможности спасения.

Как показали исследования, народная картинка, вслед за священным текстом и иконой, предлагает себя в качестве навигатора жизненных стратегий и показывает свой аутентичный путь к спасению, отражающий доктрину старообрядцев часовенного согласия.

Ключевые слова: глобализация, старообрядчество, народная картинка, лубок, историческая память, визуальный образ.

Современное народное изобразительное искусство сибирских старообрядцев ранее никем не анализировалось и не

вызывало особого интереса. Работа археологов и фольклористов Новосибирска позволила сохранить и ввести в научный

оборот материалы публикациями «Урало-Сибирского патерика» и текстов Соборных постановлений, собранных на Енисее [Духовная литература 1999], но в целом народное изобразительное творчество в современной старообрядческой среде долгое время оставалось вне поля исследования ученых. Как показали недавние экспедиционные поездки в соответствующие поселения, лубочная традиция (предполагающая не только использование, но и создание новых изображений) в советский период минимизировалась, но не пресеклась. Примером может служить настенный лист «Рай», созданный в верховьях Енисея в первой трети XX в., который, по сообщению О. Д. Журавель, матушка одного из скитов передала ей и который она позже использовала для оформления своей монографии [Журавель 2012, 442]. Кроме того, по информации этой исследовательницы в экспедициях она встречала во многих домах часовенных рисованные настенные листы, созданные в советское время. Другим примером является найденное Т. Б. Юмсуновой изображение подконвойного вывоза отца Симеона (в миру Сафона Яковлевича Лаптева) с братией после разгрома Дубчесских скитов, созданное, возможно, до 1954 г. и перерисованное в 1985 г. Также Н. Д. Зольникова сообщила, что видела настенный лист, изображающий эсхатологический сюжет, в доме известного деятеля часовенного согласия А. Г. Мурачева, который он сам нарисовал. При этом традиционно у этого согласия доминировал именно рисованный, а не печатный лубок. Известно, что в старообрядческих деревнях и скитах на Енисее все время сохранялась мощная традиция переписывания (а также украшения и иллюстрирования) религиозных текстов. Те же мастера создавали рисованные настенные листы религиозно-назидательного характера.

Старообрядческая рисованная народная картинка «Две дороги — Два пути»¹ — это своеобразное послание, которое составлено авторитетными представителями часовенного согласия для своих последователей. Она была обнаружена нами во время экспедиции в Туву в 2016 г. и неоднократно встречалась в более поздних экспедициях. Также

о ее популярности говорит тот факт, что картина с подобным сюжетом фиксировалась В. В. Кобко и Т. Б. Юмсуновой у американских часовенных, к которым она попала от их енисейских одноверцев. Согласно данным, полученным от информантов, этот современный рисованный лубок создан «матушками» (инокинями) в старообрядческих скитах часовенного согласия на Среднем Енисее. Бумажный оригинал, который успел состариться в процессе своего использования (потертые края и особенно углы, обветшавшие от многократных прикреплений, следы стибания и др.), видимо, был оценен по достоинству и с помощью современной типографской техники перенесен на технологичную клеенку и размножен. Картинка была нарисована на листе формата А1 (86 × 61 см). При тиражировании формат произведения не изменен. Техника исполнения смешанная, с использованием живописных и графических материалов: фломастеров, цветных карандашей и акварельных красок.

Картинка поделена на два композиционных блока: изобразительный (широкий и узкий путь) и текстовой с комментариями к изображению в виде духовных стихов («Подумай бедный человек», «Побуждение к борьбе со грехом!»). Изобразительное поле обведено красной и синей линией, что напоминает опущь на иконах. Доминанта композиции — черная диагональ, которая организует пространство и делит картину на два треугольника, где показаны и пояснены основные старообрядческие доктринальные установки на широкий и узкий путь. Уникальность картинки заключается в сочетании традиций книжной культуры, иконописания, фольклора в визуальных образах, которые образуют сложное политекстовое произведение. Мироззренческие установки с цитированием литературных источников и текстов Священного Писания продолжают традиции старообрядческой культуры. Исследователь С. Е. Никитина, анализируя конфессиональный мир старообрядцев от слова к концепту, в типологии маркированных дискурсов выделила тексты религиозного фольклора, служащие «информационным и стилистическим мостиком между богослужебными

¹ См. обложку 3.

и мирскими текстами, трансформирующими религиозные термины» [Никитина 2017, СТР]. Изобразительные смысловые сюжеты и цитирование источников переплетаются между собой и представляют сложную композицию, построенную в развернутом повествовании, с одной стороны, и на контрастах — с другой.

Столкновение современной цивилизации с традиционной культурой и патриархальными установками порождает интересные образцы художественного творчества, отражающие не только религиозные, но и политические аспекты. Традиционно в России эту функцию выполняли народные картинки, которые назывались лубком. Исследователь Е. И. Иткина считает, что в старообрядческой среде существовала «...настоятельная потребность в разработке и популяризации определенных идей и сюжетов <...>, удовлетворить которую можно было не только перепиской старообрядческих сочинений, но и наглядными способами передачи информации» [Иткина 1992, 7]. Современный технологичный мир вызывает протесты в традиционной старообрядческой религиозной общине и попытки уйти в свой упорядоченный мир, подкрепленный обоснованной исторической памятью. Носители древнерусской православной традиции, ушедшие от мира и поселившиеся в таких крайне труднодоступных местах, как река Дубчес на Среднем Енисее или верховья этой великой сибирской реки, и в наши дни продолжают жить с эсхатологическими ожиданиями. При этом они продолжают дистанцироваться от современного российского и мирового общества. Старообрядческие общины в сибирской тайге, не принимающие современные социокультурные и технические изменения, визуальными и вербальными средствами высказывают свое отношение к глобализирующемуся миру. Представители консервативной традиционной направленности «древлего православия», обратившись к исторической памяти России, предложили свою концепцию впадения в грех и поиск путей к спасению.

«Две дороги — Два пути» — название духовного стиха и картины, в которой представлены бинарные позиции материального и духовного мира через изображение и текст. В Нагорной проповеди

определено: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7, 13–4). Различные степени личного преобразования полностью основываются на доверии к Богу. «Два пути! Третьего нет», то есть — или широкий, или узкий.

Построение композиции и изобразительные приемы создают конфессиональную картину мира. Согласимся с мнением С. Е. Никитиной, которая отмечала, что «культурно-религиозные концепты, выраженные ключевыми словами, вместе с набором семиотических оппозиций, участвующих в построении концептуальных смыслов, образуют каркас конкретной конфессиональной культурно-языковой картины мира» [Никитина 2014, 239]. Подобная картина мира конструируется и визуальными средствами в конфессиональном народном искусстве. Христианская картина мира строится на оппозициях: Бог и Дьявол, рай и ад, спасение и погибель, которые в иконографии рисованной картинке претворяют смыслы в образы, играют на противопоставлении и переключке. Все изображение построено на смысловых контрастах. Позитивные и негативные персонажи представлены в бинарных оппозициях городского и деревенского пространства. Спасение в таежных скитах и монастырях. Композиция, построенная на бинарных оппозициях, формирует «игровое» пространство лубка: как вербальное («митрополитен»), так и визуальное (от «старта» к «финишу»). Оппозиция четко обозначена черной диагональю, на которой начертано: «*Между нами и ими будет пропасть, которая не должна соединить нас с ними, т. е. избравшими широкий и пространный путь*». Противопоставление «свой» и «чужой» в выборе жизненного пути лейтмотивом прослеживается в изобразительной плоскости старообрядческой картины.

Визуальные образы основаны на книжных и нарративных источниках. Они расширяют восприятие прочитанных текстов. Изображение как текст, включение текста в текст требуют своего прочтения в дискурсе современного искусства. Для раскрытия его смысла необходимо найти ключ как в иллюстрируемом тексте, так и в художественных приемах

изобразительного пространства картинок. О подобных прочтениях народных картинок и соотношении вербального и визуального текста писал Ю. М. Лотман [Лотман 1976]. Установлено, что традиционные приемы построения эсхатологических сочинений представляли собой различные системы доказательств наступления «последних времен» на основе выдержек из Священного Писания и трудов отцов Церкви [Любимова 2009, 123]. Если ранее корни изобразительных художественных средств искали в фольклоре, в иконографии и народном искусстве [Иткина 1992; Ходько 2012; Плаксина 2016], то в современном образце мы видим влияние массовой культуры с элементами комикса и игровой тиражной продукции, при этом элементы фольклора сохраняются в виде духовных стихов.

Историческая память и «широкий» путь глобализации в народной картинке. Усиление влияния технологической составляющей культуры и развитие информационных технологий приводят к изменениям в обществе. Все это вызывает протесты в традиционной старообрядческой религиозной общине и попытки уйти в свой упорядоченный мир, обоснованный исторической памятью.

Одна из специфических особенностей конфессионального сознания старообрядцев связана, таким образом, с присутствием ему историческим телеологизмом. Сама история человечества предстает как непрерывная борьба темных и светлых сил, достигающая своей кульминации в конце света, а все происходящее в мире события оказываются строго предопределенными [Любимова 2009, 124]. В данном лубке история представлена двузначно. С одной стороны, это продолжающееся движение, оставляющее за человеком право выбора пути и его последствий. С другой стороны, напоминает, что история имеет конец, и, хотя точные даты не известны, его предвестники уже получили свое распространение в современном глобализирующемся мире. При этом и праведный и греховный пути нашли свое специфическое смысловое и изобразительное отражение, испытав на себе влияние истории и доктрины конкретного старообрядческого согласия. «Широкий путь»

в городском пространстве мегаполисов наполнен праздным пребыванием человека на земле. Своеобразный путеводитель впадения в грех от «Старта» до «Финиша» предлагает различные варианты земных искушений. Направления заданы: от исторической памяти к современным научным достижениям, от индивидуализма с распушенностью нравов до глобализации «*диавольских сетей, протертых надо всем миром*», от Америки до России, конец предопределен в пасти ожившего ада.

Обращение к истории неслучайно. Как отмечает Н. С. Гурьянова, в XVIII в., когда особенно интенсивно происходило оформление эсхатологического учения, первостепенное значение для писателей-старообрядцев приобрела необходимость соотнесения изложенных в этих текстах предсказаний с реальной российской действительностью [Гурьянова 1996, 19]. Эта тенденция прослеживается в современных художественных и литературных практиках старообрядцев. Субъективная оценка истории, через выделенные этапы, позволяет увидеть основные акценты личного отношения художника-старообрядца как выразителя восприятия своей группы. Историческое повествование начинается от даты Большого Московского церковного Собора 1666 г. (с которого, по мнению старообрядцев, создавших этот лубок, началось падение России во грех). После этого, несмотря на богатейшую историю противостояния старообрядцев давлению Российской империи, более чем двухсотлетний период имперской истории опускается и действие сразу переносится к периоду русской революции (с лозунгированной хронологией «1917–1924. Мир, дружба, равенство, свобода») и Второй мировой войне (даты «1941–1945» с изображением памятника папавшим и Вечного огня). Символом советской эпохи выступает изображение памятника Ленину на фоне изображений достижений развитого социализма с надписью «*Куда ты их посылаешь? К Сатане*». Подобное игнорирование богатого исторического опыта российского общества и старообрядческих общин в имперский период и актуализация проблематики советского периода, скорее всего, имеет конкретные причины и носит личностный характер. Российская империя, как ни старалась,

не могла обеспечить своего контроля над старообрядческими общинами. Поэтому, несмотря на гонения, они продолжали активно развиваться весь имперский период, а в начале XX в. получили ряд прав. Советская система со временем смогла не только обеспечить почти полный контроль государства над всеми сферами жизни общества, но и в рамках развернутой государственной секуляризации вытеснила религию из массового сознания граждан. Эта политика и ее результаты коснулись всех конфессиональных групп. Не стали исключением и старообрядцы, общины которых, несмотря на свой изоляционизм и территориальную удаленность, все равно в той или иной мере «взламывались» государством, а их члены были включены в государственные (сельсоветы, совхозы, обязательные начальные школы и др.) и новые общественные (советская массовая культура, смешанные браки и т.д.) коммуникации. Поэтому в советский период старообрядческие общины минимизировались в большей мере, чем в имперский. Как отмечал Н.Н. Покровский, катализатором конфессиональных и общекрестьянских миграций в первой половине XX в. выступали не только традиционные гонения властей за веру, но также процессы коллективизации. Обретение спасения, связанное с поиском «чистых» мест, мыслилось старообрядцами как уход из «мира антихриста» «во темные леса, во далекие пустыни, во глубокие пещеры». Воплощением данной стратегии, явившейся продолжением традиций крестьянского пустынножительства, стало формирование сети скитов и удаленных от мира поселений, затерянных в таежных районах Западной и Восточной Сибири [Покровский, Зольникова 2002, 33–35]. Старообрядцы, бежавшие от репрессивной политики на территорию суверенной Тувинской Народной Республики в 1920–1930-е гг., после присоединения Тувы к СССР в 1944 г. (то есть именно в годы войны) опять оказались в зоне доступа власти, от которой они бежали. Отсюда и гораздо более жесткая ответная оппозиционная рефлексия на Советское государство в исторической памяти современных старообрядцев.

Следующий сюжет — «*Результаты перестройки*» (с хронологией слома

советской системы и характеристикой атмосферы того периода «1990–1992. *Постоянное томление духа*») выводится из советского как следующая веха и занимает свое место в ряду ключевых событий национальной истории, наряду с Большим Собором 1666 г., революцией 1917 г. и Отечественной войной 1941–1945 гг. Далее идут изображения последствий этого поэтапного падения России, а также включения ее в павший мир. Это сюжеты современной жизни: «*Поклонники телевидения*», «*Распущенность нравов*», «*Наука отводит людей от Бога*».

Современные тенденции развития таежных старообрядческих общин позволяют утверждать, что при видимой отстраненности от мира они в курсе политических и технических нововведений. Об этом наглядно свидетельствуют изображения символов научно-технического прогресса и комментарии к ним. Отрицательное отношение к техническим достижениям проиллюстрировано в изображениях греховного мира. Развитие, распространение и использование этих достижений, по мнению часовенных старообрядцев, свидетельствует о приближении конца света. Подобные взгляды находили отражения в Апокалипсисах, которые создавались и переписывались в течение XX столетия на Урале и в Сибири и получили распространение в разных беспоповских согласиях, в том числе у часовенных.

Технический прогресс и его духовные последствия — одна из краеугольных проблем, обсуждающаяся на старообрядческих Соборах. На фоне изображения самолета, вертолета, ракеты, атома и планет помещен текст: «*XX век — век материализма и атома, век большой цивилизации в технике, медицине, науке и других сферах. Век высоких полетов ввысь. Но большого нравственно духовного падения всего человечества. Высоко летаем, да низко ползаем...*». Литературным произведением, легшим в основу подобной интерпретации этой проблематики, мог стать текст «Наука и техника — природе убийца» часовенного писателя А. Г. Мурачева. Последнее, «пятое», время кончится войной, и война будет атомной, сопровождающаяся повсеместным одновременным «изгублением» людей, считает А. Г. Мурачев [Духовная литература 1999].

Проблемы глобализма обострили эсхатологические представления. Поэтому достаточно большое место занимает изображение «*Диавольских сетей, протертых надо всем миром*». В центре этой композиции находится монстр «*Сатанизм*», напоминающий осьминога, который запустил свои щупальца в геополитические центры современного мира: Америка (с небоскребом, статуей Свободы, Вашингтоном и Пентагоном), Россия (с Москвой, Кремлем и банком) и развитая урбан-среда. Последняя обозначена такими негативными маркерами, как «*новая аристократия*», «*монополии*», «*банк*», «*сберкасса*», «*парламент*», «*администрация*», «*пресса*», «*спорт*», «*медицина*», «*университет*», «*институт*», «*училища*», «*школа*» и др. Особое место на этом изображении отведено «*зверю*», маркированному цифрой «666» и обозначенному как «*Брюссель*». К Западу у автора особое отношение, оно отражено в комментарии к сюжету о распущенности нравов: «*Сие безумие от ума / Все плывет с Запада*». Здесь же находится комментарий: «*Звериница — в которой находится главный компьютер связанный со всем миром. Он и закодирует или запечатлеет своей печатью почти все человечество. Тайный разговор Сатаны подходит к концу*». Характерно, что автор, развивая традиционный для своего сообщества подход, утверждает, что печать будет «*почти на всем человечестве*», естественным образом оставляя вне этого испорченного человечества своих одноверцев. Эсхатологические представления актуализируются в старообрядческом сознании через визуальные маркеры: «*зверь*», число «666» и «*печати*». Рядом с телевизором, по которому черти показывают своего правителя в короне и с цифрой 666, имеется надпись: «*Приидите и поклонитесь новому царю! И «Богу»?*». Это сопровождается традиционным книжным изображением многоглавого рогатого зверя и цитатами из Апокалипсиса. Таким образом, напоминает не только о грядущих «*последних временах*», но и указывается на развитие их основных элементов уже в современности. На невольню возникающий вопрос: «*Что можно этому противопоставить?*» автор лубка отвечает в первой части произведения, посвященной тернистому праведному пути. Лубок зафиксировал не

только явления мировой и русской жизни, но и отношение к ним простых людей, все то, что называется «*духом времени*».

Изображение «*широкого пути*» заставляет людей усомниться в целесообразности их образа жизни. Приближение к действительности делается через акцент на частности, незначительности, противопоставленных официально принятой точке зрения в масштабах государства и всего мирового сообщества. Относительная латентная оппозиционность государству ведет к тому, что в картинке она обозначена через специфические маркеры. Так, государственно-политическое звучание имеет клеймо «*Перестройка, гласность*», характеризующие государственный строй в историческом процессе. Этот механизм работает от обратного, давая отрицательные, возмущающие образцы. События, отраженные в таких клеймах, обнажают скрытую сторону вещей, задевая насущные проблемы реалий и интересов людей.

Разочарование в обществе, построенном на тотальной фальсификации прошлого и современного, ведет к эскапизму. Свернуть на узкий путь и уйти по речным гладям в недоступную глухомань — вот одно из предназначений старообрядца часовенного согласия. Внутри изобразительного поля художнику отчасти удается изменить мир по своему образу и подобию человека свободного. Изменение и уход от реальности в конструируемый мир общины (через установленные в христианской культуре изобразительные маркеры) предполагает изменение в сознании старообрядца. Визуальный образ «*Двух дорог*» декларирует неизбежность предэсхатологических культурных, социальных, политических и общеисторических перемен, предсказывая и программируя путь дальнейшего развития общества через воззвание «*Подумай бедный человек*» и «*томления духа*» Екклесиаста.

Старообрядческий лубок «*Две дороги — Два пути*» соответствует традиционным стандартам жанра, но он создан с учетом современного социального заказа: презентует представления современных ортодоксально настроенных представителей часовенного согласия (прежде всего скитских иноков) об истории современного мира и о ключевом месте и роли своей церкви в этом процессе.

Назначение подобной картинке художник видит как миссию по сохранению спасительного пути для праведного человечества, которое локализуется в их общинах и представляет единственно правильный путь для спасения души. Это яркий образец восприятия прошлого в настоящем и определенный путь к будущему. Интерпретация истории и современного мира предстает как развернутый назидательный рассказ. В лубочной картинке обозначены вехи истории «падения» мира и России с 1666 г. до 2000-х гг. Оригинальная трактовка и оценка исторического прошлого еще раз доказывает, что у старообрядцев особая историческая память и миссию хранителей этой памяти они несут до сих пор.

«Путь праведный»: визуализация спасения в старообрядческом сознании.

Поиск праведного пути в старообрядческом сознании породил народные утопии и уводил их в поиски града Китежа в Центральной России и Беловодья на Урале и в Сибири. Это привело к обоснованному созданию легенд о поисках Пути праведного в далеких землях. Нижняя левая половина листа рассматриваемой народной картинке посвящена визуализации такого поиска «Пути праведного», маркированного синей опухью. Композиция построена по зеркальному принципу: от Креста-Распятия как «*высшего идеала человечества*» до кладбищенского Креста и врат рая. Направление задается: «*Аще хочешь душу свою спасти, Иди по сему прескорбному пути*». В левом верхнем углу изображение рая и царствующего в нем Бога как конца и цели этого праведного пути. Из уст Господа простираются тексты. Один из них направлен в сторону грешников, идущих широким путем. Он гласит: «*Отидите от мене проклятые в огонь вечный...*». Другой текст, обращенный в сторону праведников, гласит: «*Приидите ко мне вси труждающиеся и обремененни...*». Между этими ключевыми маркерами помещаются основные сюжеты и этапы спасения души в интерпретации часовенных старообрядцев. То есть общехристианская проблематика облечена в визуализацию старообрядческого понимания истории и современности спасения. Поэтому между началом и концом праведного пути мы видим

изображения истории и актов праведности последователей именно часовенного согласия, которое, как и другие согласия старообрядчества, воспринимают себя как последних праведных православных христиан. И если картина исторического процесса последних тысячелетий рассматривается в православной христианской интерпретации, то история последних веков рассматривается как процесс сохранения церкви истинной в рамках старообрядческой традиции, получившей развитие в часовенном согласии. Таким образом, мировая история воспринимается как процесс сохранения истинного христианства, который реализуется через праведные акты, которые наполняют жизнь часовенных старообрядцев и изображения которых лежат между началом и завершением этого пути.

Опираясь на естественное, базовое желание человека иметь доступ к запретной информации, в которой художник открывает тайны «узкого пути» и спасения, он работает над образом старообрядца — общинника и инока с особой осведомленностью, преодолевая запреты на закрытые для широкой огласки темы. В изобразительном пространстве создается иллюзия свободного выбора, так как выводы сделаны в сопроводительном тексте духовных стихов. Но в изобразительном поле применяется прием повторения лозунговых конструкций, заменяющих выводы, манипуляция фоном (городское пространство противопоставлено таежно-речному; во спасении рай противопоставлен мучениями в аду). Художник предлагает проживание жизни как испытание, в котором сознание человека курсирует между двумя мирами.

На противопоставление двух миров работает и сознательно выбранная автором разница стилей в двух основных частях произведения. В изображении мира праведных используются приемы традиционного старообрядческого рисованного лубка и иконописного стиля. При создании картин греховного пути и современного мира используется более свободный стиль, напоминающий стилистику школьных стенгазет. Подобный диссонанс стилей усиливает восприятие разницы изображенных путей и миров.

Центральной темой праведного пути и связующим в композиции является река,

и это неслучайно. Старообрядцы часовенного согласия, известные своим историческим радикализмом в вопросах неприятия государственности, уходили в таежные пустыни, и основным путем такого ухода были реки. Когда государство в лице своих чиновников приходило в обжитые старообрядцами территории, они снимались и уходили дальше (как правило, в более глухие верховья рек). А так как сибирские реки отличаются бурным течением, то их использование в качестве надежного пути для перемещения вверх больших групп людей с их скарбом вплоть до начала применения лодочных моторов было возможным только зимой. Поэтому именно «зимник» (путь по льду реки) для таежных староверов стал символом пути к спасению.

Сибирские старообрядцы, убежденные в том, что только они являются «истинными христианами», постоянно соотносят ведущиеся ими поиски новых форм жизнеобеспечения с идеалами Писания и Предания. Внутренний конфликт старообрядческой культуры, связанный с признанием перманентного несоответствия жизненных реалий неким идеальным нормам, воплощением которых до сих пор служит традиция пустынножительства, получает разрешение с помощью концепта «благословенной вины» [Любимова 2017, 122].

Центром композиции в изображении праведного мира являются три фигуры: два инока и человек, тянущий на санях церковь («Церковь не в куполах, а в благочестии»). Комментирующая подпись рядом позволяет сделать предположение, что это изображение о Симеоне и цитата из его литературного труда «Девствующая церковь Христова на Севере» [Журавель 2001, 291].

Построение пустынножительства — одна из центральных тем праведного пути в рассматриваемом образце. Особенности ведения общинного хозяйства, коллективность труда подчеркнуты в изображениях, иллюстрирующих праведный труд таежных староверов: расчистка земли из-под леса, жатва, добыча даров реки и леса, строительство. Но и в праведном пути находится место принятию достижений цивилизации. Промысловик хоть и предстает перед нами в иноческом облачении, что символизирует традиционализм и религиозную ориентацию, но

изображен с лодкой с мотором, который ранее, как и почти вся техника, был под запретом. Неслучайно техника активно используется как маркер греховности на негативно окрашенной части произведения, в то время как на этой части изображения этот мотор является единственным достижением технического прогресса. В этом отразилась неизбежная эволюция стереотипов поведения и постепенного, но ускоряющегося процесса отказа от многих запретов. Также интересно, что на картине, описанной как «жатва», изображен сенокос. Не исключено, что таким образом отразился факт отказа современных таежных староверов от выращивания хлеба и постепенный переход к покупке муки с последующим ее «исправлением».

Общественная молитва помещена художником в узнаваемый контекст старообрядческой часовни, который мы видели в экспедиции: тябловый иконостас (полка с иконами) вдоль всей стены, ряд икон, свечи на полке, аналой с открытыми книгами, молящиеся с лестовками крестятся двумя перстами и стоят на полу, застеленном коврами. Изображение иноков и инокинь, пишущих иконы и переписывающих книги, напоминает об известной сети местных скитских мастерских-скрипториев, в которых активно воспроизводились и продолжают воспроизводиться предметы религиозной культуры старообрядцев. Картина отпевания не только дает общее представление о характере этого действия (крест на груди усопшего, зажженные свечи у четырех сторон его цельно выдолбленного гроба-«домовины», каждение и пр.), но и находится ближе всех других картин к изображению рая. Более того, она непосредственно примыкает к изображению входа в рай, за которым стоит Господь.

Часовенные старообрядцы Енисея вообще и Тувы в частности по сей день остаются относительно закрытым сообществом, которое, сохраняя традицию эсхатологических ожиданий, культивирует критическое отношение к современному миру. Сохранение основных доктринальных установок у старообрядцев отдельных согласий, которые продолжают оказывать заметное влияние на характер развития их культуры, приводит к тому, что, несмотря на продолжающуюся модернизацию

мировой и отечественной культуры, такой архаический жанр, как лубок, не только сохраняет свое бытование, но и получает содержательное, изобразительное и техническое развитие. В соответствии со смысловой нагрузкой рассмотренного современного старообрядческого лубка можно сделать вывод, что ортодоксально ориентированная часть часовенных старообрядцев по сей день резко негативно рефлексирован на процесс глобализации, связанный с развитием научного мировоззрения и секуляризации общества и его институтов.

В этом контексте не только сохраняется, но и переходит на качественно новый уровень негативное отношение к современным тенденциям в российском обществе и государстве, которые идут путем культурной модернизации и все заметнее интегрируют в глобальный «греховный» мир. На фоне этого отторжения греховного мира свои общины представляются как последние носители спасительной православной традиции, дающей узкий, но единственно возможный праведный путь для спасения души и мира.

Исследования

Гурьянова 1996 — *Гурьянова Н. С.* История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII века. Новосибирск, 1996.

Духовная литература 1999 — Духовная литература староверов востока России XVIII–XX вв. / Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск, 1999. Т. 1.

Журавель 2001 — *Журавель О. Д.* «Девствующая церковь Христова на Севере» о Симеона — памятник современной старообрядческой литературы // Общественное сознание и литература XVI–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 274–292.

Журавель 2012 — *Журавель О. Д.* Литературное творчество старообрядцев XVIII — начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск, 2012.

Иткина 1992 — *Иткина Е. И.* Русский рисованный лубок конца XVIII — начала XIX века: Из собрания Государственного Исторического музея. М., 1992.

Лотман 1976 — *Лотман Ю. М.* Художественная природа русских народных картинок // Народная гравюра и фольклор в России XVII–XIX вв.: К 150-летию со дня рождения Д. А. Ровинского: Матер. науч. конф. / Под общ. ред. И. Е. Даниловой. М., 1976. С. 79–153.

Любимова 2009 — *Любимова Г. В.* «Техническая эсхатология» в современных народно-

православной и старообрядческой традициях Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3 (39). С. 119–127.

Любимова 2017 — *Любимова Г. В.* Модернизация земледельческого труда в культуре сибирских старообрядцев // Уральский исторический вестник. 2017. № 2 (55). С. 122–130.

Никитина 2014 — *Никитина С. Е.* О взаимодействии веры, культуры и языка в конфессиональных сообществах // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. М., 2014. С. 237–244.

Никитина 2017 — *Никитина С. Е.* Конфессиональный мир в языке: от слова к концепту // Язык, сознание, коммуникация: Сб. ст. М., 2017. С. 211–222.

Плаксина 2016 — *Плаксина Н. Е.* Старообрядческий рисованный лубок на Нижней Печоре: к вопросу о происхождении и бытовании // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда: Вестник МГХПА. 2016. № 4. С. 235–248.

Покровский, Зольникова 2002 — *Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д.* Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002.

Соколов 1999 — *Соколов Б. М.* Художественный мир русского лубка. М., 1999.

Ходько 2012 — *Ходько Ю. М.* Религиозный лубок второй половины XVIII — начала XX века: из собрания Русского музея. СПб., 2012.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Быкова Е. В. <https://orcid.org/0000-0002-6024-5398>

Кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурологии и социологии Вятского государственного университета: Российская Федерация, 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36; тел.: +7 (8332), 74-24-71; e-mail: ev2_74@mail.ru

Костров А. В. <https://orcid.org/0000-0001-5274-5424>

Доктор исторических наук, профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета: Российская Федерация, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1; тел.: +7 (3952) 24-38-75; e-mail: a_kostrov@mail.ru

“THE BROAD WAYFARING” IN THE CONSCIOUSNESS OF THE YENISEI OLD BELIEVERS: A CONTEMPORARY FOLK PICTURE OF THE PROCESSES OF GLOBALIZATION

EKATERINA V. BYKOVA

(Vyatka State University: 36, Moskovskaya str., Kirov, 610000, Russian Federation)

ALEKSANDR V. KOSTROV

(Irkutsk State University: 1, Karla Marksa str., Irkutsk, 664003, Russian Federation)

Summary. *The paper is devoted to the analysis of a visual source, namely a picture named “Two roads — Two wayfarings”. Its items were revealed during an expedition to the Republic of Tuva in 2016 in the Old Believer settlements. Further field studies in 2017 confirmed the popularity of folk pictures in their environment. The theme of “broad” and “narrow” ways has been discussed in different age groups of the Old Believers. The analysis of the visual source shows that growing globalization and explosive spread of the latest (electronic, satellite) technologies, dynamic development of mass media inevitably lead to the formation of a single information space, which transforms or destroys a traditional society. In spite of their declarative conservatism and attempts of isolation the Old Believers show their awareness and attitude to modern civilization. Contemporary old-believer “Lubok” picture is a unique testimony to contemporary trends in the transformation of traditional religious consciousness. The folk picture presents itself from different ideological and artistic paradigms: the old Russian tradition along with the trends of postmodernism. Combining an image with a word it appears as a single text space which is united by common themes, images and approaches to the wickedness of the world and the possibility of salvation.*

As studies have shown, folk picture, followed by a sacred text and icon, offers itself as a Navigator of life strategies. Besides it reveals one’s authentic path to salvation and reflects the doctrine of the Old Believers.

Key words: “lubok”, Old Believers, globalization, traditional culture, eschatology, folk picture.

References

Dukhovnaya literatura staroverov vostoka Rossii XVIII–XX vv. [Spiritual literature of the Old Believers of the East of Russia of the 18 — 20th centuries] (2005). Novosibirsk. In Russian.

Gurianova N. S. (1996) *Istoriya i chelovek v sochineniyakh starobryadtsev XVIII veka* [History and man in the writings of the Old Believers of the 18th century]. Novosibirsk. In Russian.

Hoďko Ju. M. (2012) *Religioznyy lubok vtoroy poloviny XVIII — nachala XX veka: iz sobraniya Russkogo muzeja* [Religious lubok of the 2nd half of the 18th — the early 20th century: from the collection of the Russian Museum]. St. Petersburg. In Russian.

Itkina E. I. (1992) *Russkiy risovannyy lubok kontsa XVIII — nachala XX veka* [Lubok, the Russian drawn sheets from the late 18th — the early 20th century]. Moscow. In Russian.

Lotman Yu. M. (1976) *Khudozhestvennaya priroda russkikh narodnykh kartinok* [The artistic nature of Russian folk pictures]. In: *Narodnaya gravyrura i fol’klor v Rossii XVII–XIX vv.: K 150-letiju so dnya rozhdeniya D. A. Rovinskogo* [Folk engraved print and folklore in Russia of the 17th — the 19th centuries]: Mat. of sch. conf. Ed. by I. E. Danilova. Moscow. Pp. 79–153. In Russian.

Lyubimova G. V. (2009) “Tehnicheskaya eschatologiya” v sovremennykh narodno-pravoslavnoy i starobryadtcheskoy traditsiyakh Sibiri [“Technological eschatology” in contemporary traditions of popular Orthodoxy and among the Old Believers of Siberia]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia]. 2009. Vol. 3. Pp. 119–126. In Russian.

Lyubimova G. V. (2017) *Modernizatsiya zemledel’cheskogo truda v kul’ture sibirskikh starobryadtsev* [Modernization of agricultural labour in the cultural of Siberian Old Believers]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural historical journal]. 2017. Vol. 2 (55). Pp. 122–130. In Russian.

Nikitina S. E. (2014) *O vzaimodeystvii very, kul’tury i yazyka v konfessional’nykh soobshchestvakh* [On interaction of the faith, culture and language in confessional communities]. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. Moscow. Pp. 237–244. In Russian.

Nikitina S. E. (2017) *Konfessional’nyy mir v yazyke: ot slova k kontseptu* [Confessional world in the language: from the word to the concept]. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. Moscow. Pp. 211–222. In Russian.

Plaksina N. E. (2016) Staroobryadcheskiy risovannyi lubok na Nizhney Pechore: k voprosu o proishozhdenii i bytovanii [Old Believer hand-drawn “lubok” on the Lower Pechora: issues of origin and existence]. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik MGHPA* [Decorative Art and environment. Herald of the Moscow State Academy of Applied Art and Design named after Sergei Stroganov]. 2016. No. 4. Pp. 235–248. In Russian.

Pokrovskiy N. N., Zolnikova N. D. (2002) Starovery-chasovennye na vostoke Rossii v XVIII–XX vv.: Problemy tvorchestva i obshchestvennogo soznaniya [Chapel Old Believers in the East of Russia in the 18th — the 20th centuries: problems of creativity and public consciousness]. Moscow. In Russian.

Sokolov B. M. (1999) Khudozhestvennyy mir russkogo lubka [The artistic world of Russian lubok]. Moscow. In Russian.

Zhuravel O. D. (2001) “Devstvuyushhaya tserkov’ Khristova na Severe” o. Simeona — pamyatnik sovremennoy staroobryadcheskoy literatury [“Christ Church in the North” established by Simeon the holy Father — a monument of contemporary Old Believer literature]. In: Obshchestvennoe soznanie i literatura XVI–XX vv. [Public consciousness and literature in the 16th — the 20th centuries]. Novosibirsk. Pp. 274–292. In Russian.

Zhuravel O. D. (2012) Literaturnoe tvorchestvo staroobriadtsev XVIII — nachala XXI v.: temy, problemy, poetika [The literary creativity of Old-Believers in the 18th — beginning of 21st century: issues, problems, poetics]. Novosibirsk. In Russian.

ABOUT THE AUTHORS

Bykova E. V.: <https://orcid.org/0000-0002-6024-5398>

E-mail: ev2_74@mail.ru

Tel.: +7 (8332) 74-24-71

36, Moskovskaya str., Kirov, 610000, Russian Federation

PhD (Arts), associate professor of the Department of Culture Studies and Sociology, Vyatka State University

Kostrov A. V. <https://orcid.org/0000-0001-5274-5424>

E-mail: a_kostrov@mail.ru

Tel.: +7 (3952) 24-38-75

1, Karla Marksa str., Irkutsk, 664003, Russian Federation

Grand PhD (History), professor of the Department of World History and International Relations, Irkutsk State University
